

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 93/94

German-Soviet Nonaggression Pact of 1939: Debating Issues

¹Anatoly I. Narezhny

²Vladimir P. Trut

¹Southern Federal University, Russian Federation
344103, Rostov-on-Don, Zorge st, 56, apt.23

Dr. (History), Professor

E-mail: ain@sfedu.ru

²Southern Federal University, Russian Federation
346780, Rostov Region, Azov, Izmaylova st.55, apt. 16

Dr. (History), Professor

E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Abstract. The article, having analyzed the works by domestic and foreign researchers, attempts to consider major historiographic works, concerning the debating issues of German-Soviet Nonaggression Pact d.d. 23 August, 1939.

Achievements and problems of contemporary historiography on this theme were characterized, author's judgments and generalizations, concerning this problem were stated and lines of research of different aspects of German-Soviet Nonaggression Pact were offered.

Keywords: Historiography; USSR foreign policy; German-Soviet relations; German-Soviet Nonaggression Pact.

Введение. В настоящее время в центре внимания историков находятся наиболее важные, значительные, переломные, эпохальные события и процессы мировой и отечественной истории, оказавшие определяющее влияние на развитие международного сообщества в целом, и отдельных стран и народов в частности, последствия которых также продолжают оказывать в той или иной мере влияние на современность. Одним из таких важнейших событий явилась, безусловно, Вторая мировая война. Не случайно ее политическое и идеологическое "эхо" с новой силой зазвучало на международной арене в последнее время. Это связано с теми сложными и масштабными политическими, экономическими и социальными трансформациями, которые сегодня происходят в мире. Достаточно вспомнить, например, широкий и весьма разноголосый международный резонанс, вызванный очевидным искусственным нагнетанием страстей вокруг якобы нескольких главных виновников начала Второй мировой войны, явным стремлением руководителей ряда стран если не прямо уравнивать, хотя и это имеет место, то хотя бы поставить рядом в этом плане фашистскую Германию и СССР (а в контексте, естественно, современную Россию как правопреемницу последнего). Это нашло свое проявление и в масштабных международных мероприятиях в Польше в сентябре 2009 г., приуроченных к 70-летию начала Второй мировой войны, и в не имеющей не только какого-либо научно-теоретического, но и лишенной даже простого здравого смысла скандально-провокационной резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», принятой 3 июля 2009 г. [1], фактически уравнивавшей нацизм и сталинизм, причем единым днем памяти жертв двух режимов предложено сделать 23 августа! Многие источники охарактеризовали эту резолюцию как возлагающую ответственность за развязывание Второй мировой войны на Германию и СССР в

равной степени. Совместное упоминание и осуждение нацистского и сталинского режимов подверглось резкой критике со стороны российской делегации, а также представителей левых партий Европы.

Прямая антироссийская направленность данных акций очевидна. Но что за всем этим стоит? Попытка формирования новой общеевропейской идентичности, интеграции Европы на антироссийской основе? Стремление добиться политико-идеологического "воссоединения Европы" ("старой" Западной и "новой" Восточной) за счет России? А иначе, почему и зачем такая массивная, хорошо срежиссированная, шумная и агрессивная западная общественно-политическая антироссийская кампания. Кому и зачем это надо? Какие конкретные цели при этом преследуются, какие четко определенные задачи современности пытаются решить таким способом [2].

Необходимо особо отметить, что общественно-политическая и научно-теоретическая актуальность проблематики внешней политики СССР накануне Второй мировой войны очень сильно возрастает по мере приближения 70-летнего юбилея со дня ее окончания. Данная тема, безусловно, станет одной из центральных в общественно-политических и научных дискуссиях на различных политических, научных, культурных и иных международных форумах в 2015 г. [3] Таким образом, общественно-политическая и научная актуальность дальнейшего всестороннего и объективного изучения советско-германских отношений накануне Второй мировой войны, особенно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года и его секретных приложений, представляется более чем очевидной.

Материалы и методы. Задачей данной статьи является показ разнообразия мнений исследователей по проблеме советско-германского договора о ненападении 1939 года. Мы не ставим перед собой задачи рассмотрения полного спектра оценок советско-германского договора о ненападении 1939 года и всего объема историографической литературы по избранной теме ввиду их значительного объема. Нашей задачей является показ различных мнений исследователей по данной проблеме, которые условно можно разделить на три типа: обвинение и осуждение действий руководства СССР накануне Второй мировой войны, моральное оправдание и обоснование этих действий и попытка абстрагироваться от оценки действий в моральном отношении и проводить исследование, исходя из логики международной обстановки в конкретный исторический период. В работе использован многофакторный метод, всесторонний научно-критический анализ имеющихся наработок в отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме.

Обсуждение. Среди историков на сегодняшний день нет единого мнения в оценках этого договора и общей политики руководства СССР в отношении Германии в предвоенный период. Ряд историков оценивает договор положительно как высокое достижение внешней политики руководства СССР [4]. Другие считают его заключение вынужденным, оправданным политическим шагом и единственно возможным [5]. Третьи придают ему негативную оценку, называют его просчетом [6], указывают на нарушение международных правовых норм и считают его аморальным [7], часто используются такие словесные формулы, как «сговор Сталина и Гитлера», «раздел Восточной Европы» и другие политизированные и эмоционально окрашенные выражения.

Результаты. Научной литературы по данной теме много, но мы возьмем несколько наиболее показательных, на наш взгляд, позиций историков. Так, например, говоря о советско-германском договоре о ненападении, В.И. Дашичев практически безапелляционно утверждает, что это сговор двух диктаторов, а перекройка карты Европы и ее раздел на сферы влияния тщательнее скрывались от общественности [8]. Он считает, что в силу «отсутствия достаточных внешнеполитических знаний и опыта, а также вследствие извращенности его мышления, отягощенного классово-идеологическими догмами и предрассудками» [9], Сталин не понял, что без подписания пакта Германия оказалась бы в очень невыгодном положении и коалиция против нее из СССР, Англии, Франции и США образовалась бы неизбежно [10]. Его позиция по данному вопросу практически не изменилась даже спустя полтора десятилетия, лишь стало меньше патетики. Рассматривая действия СССР на международной арене в тот период времени, он особо отмечает, что Сталин знал о планах Гитлера, но коварно решил дать ему свободу рук на Западе, а заключив с ним пакт в 1939 году, стал соучастником в развязывании Второй мировой войны [11].

По его словам, Англия и Франция неоднократно протягивали руку дружбы СССР, но Советский Союз каждый раз ее отклонял. В подтверждение этого он указывает, что «21 марта (1935 г. – прим. авт.) правительство Англии предложило советскому руководству принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе» [12]. Притом, правда, он почему-то умалчивает, что уже 1 апреля инициатор предложения – английское правительство – вдруг заявляет, что считает вопрос о декларации отпавшим [13]. В такой ситуации возникает вполне закономерный вопрос о том, как данное обстоятельство согласуется с авторской аргументацией. Он отмечает, что 31 марта Англия и Франция взяли на себя гарантии безопасности и независимости Польши и что «Советское правительство могло присоединиться к этим гарантиям без всяких условий, но оно не сделало этого, что свидетельствовало об иных планах Сталина, связанных уже с ориентацией на нацистскую Германию» [14]. Вряд ли автор не знает того очевидного факта, что

Польша ни при каких условиях и обстоятельствах не хотела видеть советские войска на своей территории [15]. Возникает вопрос, каким же образом в данной обстановке СССР мог гарантировать безопасность и независимость Польши. Говоря о том, что «во второй половине апреля Англия и Франция независимо друг от друга направили советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате осуществления гарантий Польше и Румынии западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией» [16], В.И. Дашичев намеренно или по незнанию не говорит, что предложенные соглашения были неравноправными. Так в них прямо фиксировалось, что при нападении Германии на Польшу и Румынию Советский Союз должен был оказывать поддержку Англии и Франции как союзникам этих стран, но при нападении Германии на Прибалтику и Финляндию и вовлечении в данный конфликт озабоченного ситуацией вблизи своих границ СССР подобной помощи ему никто оказывать не собирался ни при каких обстоятельствах [17]. Вряд ли исследователь не знал всех тонкостей событий изучаемого им исторического периода, следовательно, напрашивается вывод о тенденциозной подаче фактов – представлении одной части и замалчивании другой. Он также считает несущественной явную провокационность заключения подобных соглашений, поскольку подписание этих договоров явилось бы прямым заявлением антигерманской направленности советской политики и поводом ввязывания в войну, которую Советское правительство всячески старалось избежать. Причем при нападении через Прибалтику СССР вынужден был бы вовсе воевать с Германией один на один. И аналогичных примеров можно привести немало. Очевидно, что автор рассматривает данную проблему с заранее определенных позиций, причем не столько с сугубо исторических, сколько с политико-идеологических.

Согласно точке зрения еще одного представителя ревизионистской школы, историка М.И. Семиряги, заключенный договор с Германией нанес большой ущерб престижу Советского Союза, подорвал к нему доверие, лег черным пятном на советскую внешнюю политику и привел к дальнейшей международной изоляции СССР. По его мнению, договор (и его претворение в жизнь) был грубым нарушением положений международного и советского права, также затормозившим образование единого антифашистского фронта стран и народов, дезориентировавшим деятельность мирового коммунистического движения, всех друзей СССР за рубежом. Характеризуя данный договор, он отмечает, что «в моральном плане партнеры по переговорам, пытаясь обмануть друг друга, свои народы и мировую общественность, длительное время, скрывая от них наличие секретных протоколов, поступали безнравственно» [18]. Из этого логически следует, что автор политику и дипломатию относит к высокой сфере морально-нравственных норм. Спорность такого подхода очевидна, хотя аналогичными суждениями отличаются достаточно многочисленные работы историков постсоветского периода.

М.И. Семиряга не отрицает, что советско-германский договор имеет связь с печально известными решениями Мюнхенской конференции, если не является его следствием, и даже упоминает англо-германский и французско-германский договоры о мире и дружеских отношениях 1939 года, что не часто делают историки-ревизионисты, но секретные протоколы, которые он называет договоренностями, в его изложении выходят на первый план исторических событий. Такой подход вряд ли можно назвать взвешенным и обоснованным.

Характеризуя советско-германский договор о ненападении, М.И. Семиряга считает его крупным политическим просчетом Сталина, так как Советский Союз потерял польский буфер, который при иных условиях явился бы благоприятным фактором для действий Красной Армии, и она совместно с польской армией якобы могла бы войти в боевое соприкосновение с вермахтом на более выгодных рубежах [19]. Притом он также упускает из виду такое очевидное обстоятельство, как полное и категорическое нежелание Польши воевать вместе с Советской Армией, а также то, что СССР пришлось бы вступить в войну уже в 1939 году практически в неподготовленном состоянии. (Как известно, даже закон о всеобщей воинской повинности, не говоря уже о других, гораздо более сложных мероприятиях по подготовке к крупномасштабным боевым действиям, в СССР был принят только уже после фактического начала Второй мировой войны в начале сентября 1939 года).

К тому же, по свидетельству начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, отраженному в его дневниковых записях за 14 августа 1939 года после совещания с фюрером, Германия вступила бы в войну с Польшей в любом случае, не оглядываясь на СССР, поскольку Гитлер был в немалой степени уверен, что Советский Союз не вступит в войну на стороне Польши, как не станут воевать и Англия с Францией, а ситуация для начала военной кампании самая благоприятная [20]. К тому же Гитлер тогда был готов даже к войне на два фронта [21]. Оценивая возможность такого варианта развития событий, М.И. Семиряга в то же время считает, что Гитлер не стал бы воевать с Францией, не обеспечив свой тыл с Востока [22].

Затрагивая советско-германские экономические отношения, М.И. Семиряга отмечает вклад Советского Союза в развитие немецкого военно-промышленного потенциала, благодаря советским поставкам стратегического сырья [23]. Однако при этом он не упоминает о вкладе немецких поставок для развития оборонной промышленности СССР, особенно таких ее важнейших отраслей, как авиа- и танкостроение, военное судостроение. И какой из данных вкладов оказался важнее и существеннее,

представляет еще один интересный дискуссионный вопрос, активно обсуждаемый в современной историографии [24].

В отечественной историографии присутствуют и иные подходы к анализу и характеристике советско-германского договора о ненападении 1939 года. В частности, М.И. Мельтюхов освещает его в другом аспекте. Советско-германский пакт о ненападении он оценивает как полезный, с одной стороны, поскольку «благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы» [25]. По его мнению, Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе [26]. Но, рассматривая данный договор, автор считает, что, с другой стороны, Советскому Союзу пришлось взять на себя ряд обязательств, в частности, «отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду» [27]. Необходимо отметить, что М.И. Мельтюхов является сторонником концепции, согласно которой СССР якобы готовил нападение на Германию в июле 1941 г. Он присоединяется к тезисам некоторых западных историков о стремлении Советского Союза к мировому господству и определении Германии как главного соперника СССР на континенте. В сущности, его подход отражает довольно хорошо известные положения В. Резуна (Суворова) [28]. Хотя М.И. Мельтюхов полемизирует и в чем-то не соглашается с Суворовым, характеризует «Ледокол» как «слоеный пирог», где «правда мешается с полуправдой и ложью», а также указывает, что подход В. Суворова «не поддерживает, пожалуй, никто из серьезных исследователей» [29]. Особо нужно отметить, что М.И. Мельтюхов выражает несогласие с Резуном (Суворовым) по вопросу об ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны, поскольку Германия первой напала на Польшу. Он отвергает тезис Резуна (Суворова) о «превентивной войне», поскольку утверждает, что Гитлер ничего не знал о «наступательных» военных приготовлениях Сталина и «упредил Красную Армию» лишь «в силу случайного стечения обстоятельств» [30]. Однако М.И. Мельтюхов поддерживает главное положение Резуна (Суворова): определение СССР не как нейтральной страны в начальный период Второй мировой войны, а как страны-агрессора, и второе – в основе советской внешней политики лежат аналогичные стремления к мировому господству, что и у Германии, таким образом, уравнивая политику двух государств [31]. Оценивая данный вопрос таким образом, вполне закономерно получаем вывод о разделении поровну ответственности за Вторую мировую войну Германией и Советским Союзом.

Более чем спорный тезис о существовании у СССР планов нападения на Германию рассматривают в своих работах В.А. Неvejeин, В.Д. Данилов, Б.В. Соколов, И.В. Павлова, И. Хоффман, Э. Нольте и др.

Характеризуя различные историографические подходы к анализу проблематики советско-германских отношений накануне Второй мировой войны и договора о ненападении 1939 г., необходимо осветить доминирующую, можно сказать, традиционную точку зрения отечественной историографии по этим вопросам. Данный подход современной отечественной историографии многое воспринял из положений советской историографии, но также претерпел изменения, используя в своей концепции новые документы и материалы. Так, основные положения этой традиционной концепции мы видим у В.Я. Сиполса. Оценивая договор о ненападении вместе с секретным протоколом, он доказывает тезис о том, что этот документ имел в то время для СССР существенное значение. По мнению исследователя, если большинство стран Европы вскоре же оказалось втянутым в мировую войну, многие из них были разгромлены, потеряли независимость, то СССР еще почти два года оставался в стороне от этой войны, мог продолжать жить в условиях мира. А когда Германия напала на СССР, то война началась с новых, значительно более отдаленных пограничных районов, расположенных на несколько сот километров западнее советских границ 1939 г. По мнению В.Я. Сиполса, это имело в ходе Великой Отечественной войны принципиально важное значение.

Он утверждает, что советско-германский договор о ненападении не только содействовал укреплению безопасности у западных границ СССР, но и привел к стабилизации обстановки и на восточных границах страны. Опасность войны одновременно на два фронта – на западе с Германией и на востоке с Японией – была в то время снята. В.Я. Сиполс считает, что, хотя некоторые историки пытаются доказать, что в протоколе предусматривался захват Советским Союзом упомянутой "сферы интересов", это не соответствует действительности. Суть протокола в том, что германское правительство взяло на себя официально письменно закрепленное обязательство не посягать на территории, стратегическое положение которых имело огромное значение для обеспечения безопасности СССР [32].

Анализируя решение Советского правительства заключить договор о ненападении с Германией, он доказывает, что это решение было в тогдашних условиях фактически вынужденным, но вполне естественным и единственно возможным, поскольку добиться создания эффективной англо-франко-

советской коалиции не удалось. Альтернативы договору о ненападении с Германией не оставалось [33].

Исследуя договор о ненападении, Н.А. Нарочницкая констатирует, что «советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и "расписание" планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г., поменяв "всего лишь" "расписание" войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР» [34]. Она считает тот договор крупнейшим провалом английской внешнеполитической стратегии за весь XX век и главной причиной, почему его всегда будут демонизировать [35].

Различные, зачастую противоположные точки зрения по рассматриваемому вопросу присутствуют и в зарубежной историографии. Необходимо отметить, прежде всего, ревизионистскую концепцию немецкого историка Э. Нольте, в свое время вызвавшую активную и крайне неоднозначную дискуссию в зарубежной историографии. Он называет «пакт Гитлера–Сталина» европейской прелюдией ко Второй мировой войне, а также пактом «войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были «государства совершенно особого рода». Нольте выдвинул сенсационное в свое время утверждение, что Вторая мировая война – это продолжение всеевропейской гражданской войны, начатой Октябрьской революцией [36]. Как мы видим, это политически важная работа, поскольку, с легкой руки Нольте, многие историки, политики и публицисты, стали уравнивать, а то и объединять коммунизм с гитлеризмом, СССР с нацистской Германией и, как следствие, требовать равной меры ответственности за развязывание Второй мировой войны. Некоторые немецкие и австрийские историки в той или иной степени используют в своих исследованиях тезис о превентивной войне, среди них И. Хоффман, Х. Магенхаймер, Ф. Беккер, В. Мазер.

Характеризуя советско-германские отношения накануне Второй мировой войны, в том числе, естественно, и советско-германский договор о ненападении 1939 года, большинство немецких историков дают более взвешенные их оценки. Таким подходом отличаются исследования историков Г.-А. Якобсена, Г. Юбершера, М. Мессершмидта, Р.-Д. Мюллера, Ю. Ферстера. Если говорить об американской историографии кануна Второй мировой войны, то ее можно разделить на историографию военного и послевоенного периодов. Сравнение двух периодов будет явно не в пользу последнего, поскольку историографию времен войны отличали большая объективность, реализм, трезвое отношение к СССР и взвешенность оценок, хотя по своему научному уровню эти работы были невысоки. В работах периода войны мы встречаем положительные оценки советско-германского договора о ненападении. Так, в своей книге заместитель государственного секретаря США С. Уэллес писал: «С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность Советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя, когда произошло давно ожидавшееся нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль» [37].

Конечно, в американской историографии также есть разные точки зрения на советско-германский договор о ненападении. Так, американские историки Т. Бейли и П. Райан, оценивая внешнюю политику СССР накануне Второй мировой войны, отмечают, что Советский Союз, «хорошо зная о повсеместных разговорах на Западе о натравливании Гитлера на него, мудро ушел из-под удара» [38]. А У. Ширер считает советско-германский договор циничной сделкой Сталина и Гитлера по разделу Польши и предоставлением свободы СССР для захвата Прибалтики, Финляндии и Бессарабии [39].

Весьма противоречивы характеристики советско-германских отношений в английской исторической литературе. Так, в первом томе большого иллюстрированного издания о Второй мировой войне Дж. Хаммертона говорится, что Советская Россия «играет роль шакала при германском льве», что Россия «наносит удар в спину Польше», «нападает на польскую армию», которая «отчаянно сражается» с немецкими и советскими захватчиками [40]. А. Дж.П. Тейлор характеризует советско-германский договор о ненападении гораздо более взвешенно. По его мнению, «германо-советский пакт не был союзом, это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете... На Западе поднялась шумиха по поводу преступления Советской России, заключившей соглашение с ведущей фашистской державой. Трудно было понять упреки британских и французских политиков, которые активно способствовали разделу Чехословакии и даже стремились к новому соглашению с Германией за счет Польши» [41]. Ф. Бэлл, отмечая, что соглашение с Германией позволило СССР укрепить свою безопасность, пишет, что «не может не вызвать удивления тот поток оскорблений, который обрушился на голову советских руководителей за то, что они заключили соглашение, которое было лучшим из возможных» [42]. Известный военный историк и теоретик Б. Лиддел Гарт в своем фундаментальном исследовании отметил следующее: «Сталин прекрасно осознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двинуться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими

словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечивало бы России доминирующее влияние в послевоенном мире» [43]. Довольно убедительную собственную оценку данного соглашения, основанную на сугубо реалистическом, можно сказать, жестко прагматическом видении рассматриваемой проблемы, обосновал в своей работе ведущий специалист британской военной разведки Лен Дейтон. Он достаточно прямолинейно указал на то, что в период московских англо-франко-советских переговоров летом 1939 года «русские, видя, что англичане не торопятся, заподозрили, что они хотят затянуть переговоры до бесконечности. Сталин, у которого были шпионы в высших правительственных кругах практически всех европейских стран, пришел к убеждению, что Великобритания и Франция вступят в боевые действия только в том случае, если сами подвергнутся агрессии, и решил, что спасение для России может принести только договор с ее заклятым врагом – нацистской Германией» [44].

Таким образом, рассмотрев основные историографические подходы к исследованию, анализу и оценкам взаимоотношений СССР и Германии в предвоенный период, особенно советско-германского договора о ненападении 1939 г., наряду с объективными, достаточно всесторонне обоснованными точками зрения исследователей, в значительном количестве работ отмечается весьма избирательная подача исторических фактов, их крайне односторонняя трактовка, искажение, а то и даже откровенная фальсификация. При этом, безусловно, самым непосредственным образом сказывается предельная политизированность этой тематики, что, естественно, не дает возможности исследователям разобраться в наиболее дискуссионных вопросах рассматриваемой проблематики, исходя исключительно из принципов научности, объективности и историзма.

Безусловно, можно полностью согласиться с тем очевидным фактом, что практически все работы советских историков, в силу хорошо известных причин, были в значительной степени идеологизированы и не всегда могли дать объективную картину рассматриваемого вопроса. Однако и постсоветская отечественная и зарубежная историография в данном плане также в необходимой степени не отличается полной объективностью и обоснованностью оценочных суждений, строго научной аргументацией и безусловной объективностью выводов и заключений. Более того, многие современные работы носят крайне субъективные оценочные характеристики. Историкам ревизионистского направления свойственно практически полное отрицание интерпретаций советской исторической школы, а также мнение о тотальной сфальсифицированности советской истории. Переосмысление советской истории предвоенного периода в их работах часто сводятся к перениманию концепций зарубежных коллег либо к простому изменению оценок с плюса на минус. При этом отечественные историки забывают об антисоветской, а сейчас и антироссийской фокусировке зарубежных исследователей, почему-то считая, что зарубежный исследователь обязательно будет независимым и объективным.

Недостатком многих историков, изучающих события кануна Второй мировой войны, является неадекватное восприятие исторической фигуры Сталина, в результате чего научные работы превращаются в суд над Сталиным либо с позиции адвоката, либо прокурора. Часто можно столкнуться с тем, что вынесению объективных выводов мешает неприязнь или чрезмерное восхищение Сталиным, а также перенесение рассуждений о политике в морально-нравственную сферу, при этом не все исторические персоналии оцениваются равноправно. К сожалению, рассекречивание новых документов и их публикация практически не изменяют позиции историков относительно внешней политики ведущих мировых держав, прежде всего, конечно же, Советского Союза кануна Второй мировой войны, впрочем, в должной мере по тем или иным причинам зачастую не становятся предметом пристального внимания и всестороннего объективного анализа и уже имеющиеся документы. Как верно заметил А.О. Чубарьян, «подход к анализу событий того времени должен исходить из того, что главный вопрос сегодня – это не столько поиск новых документов, а проблемы интерпретации уже имеющихся в распоряжении исследователей событий и фактов, отраженных во множестве рассекреченных документов» [45].

Заключение. Рассмотрев основные историографические подходы к исследованию, анализу и оценкам советско-германского договора о ненападении 1939 г., наряду с объективными, достаточно всесторонне обоснованными точками зрения исследователей, в значительном количестве работ отмечается весьма избирательная подача исторических фактов, их крайне односторонняя трактовка. Для работ историков периода конца 1990–2000-х гг. характерны большая широта суждений, всесторонность анализа фактов и обстоятельств самого разного характера, рационализм и взвешенность оценок, чем это наблюдалось в предшествующие периоды времени. Дальнейшее исследование советско-германского договора о ненападении 1939 г. и его приложений необходимо осуществлять на основе многофакторного метода, всестороннего научно-критического анализа имеющихся наработок в отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме, источников различного характера, не являвшихся вплоть до настоящего времени объектами необходимого научного исследования и анализа.

Примечания:

1. Резолюция парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // <http://hristcommun.narod.ru/OBSE1.htm> (Дата обращения 26.04.2013).
2. Трут В.П. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в вузовских учебниках истории: состояние и перспективы // Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / Под ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Том.VIII. Книга 25. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 301.
3. Трут В.П. Место и роль исторических исследований по актуальным проблемам отечественной истории в обеспечении национальной безопасности России (на примере проблемы советско-германского договора о ненападении 1939 года) // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Матер. Междунар. науч.-просвет. конф. (Адлер, 24–28 мая 2013 г.). Краснодар: «Традиция», 2013. С. 277.
4. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? // Сб. ст. / Ред.: Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/narch000/index.htm>. (Дата обращения 22.02.2013).
5. Ржешевский О.Я. Защитить нашу победу. 65 лет Великой победы. В 6 томах. Под ред. Нарышкина С.Е. Торкунова А.В. Т. 1. Канун трагедии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 28.
6. Торкунов А.В. Предвоенные уроки нашему времени. 65 лет Великой победы. В 6 томах. Под ред. Нарышкина С.Е. Торкунова А.В. Т.1. Канун трагедии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 38.
7. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 289–291.
8. Дашичев В.И. Роковое решение Сталина //Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 4-5.
9. Там же.
10. Там же. С. 7.
11. Дашичев В.И. Между Молотовым и Риббентропом // Новая газета. 2005. 5 мая. № 32.
12. Там же.
13. История внешней политики СССР 1917–1980 гг. М.: Наука, 1980. С. 354.
14. Дашичев В.И. Между Молотовым и Риббентропом // Новая газета. 2005. 5 мая. № 32.
15. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: «Захаров», 2010. С. 711.
16. Там же.
17. История внешней политики СССР 1917–1980 гг. М.: Наука, 1980. С. 354.
18. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 289-290.
19. Там же. С. 53.
20. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971. С. 34-40.
21. Там же. С. 40.
22. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 55.
23. Там же. С. 54.
24. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 44-51.
25. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2002. С. 398.
26. Там же.
27. Там же. С. 69, 76.
28. Суворов В. Ледокол. День «М». Ростов-на/Д.: Проф-Пресс, 1994. С. 597-600.
29. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 7-8.
30. Суворов В. Указ. соч. С. 597-600.
31. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 75, 400.
32. Сиполс В.Я., Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки // «Новая и новейшая история». 2002. № 5. С. 232-233.
33. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М: Международные отношения, 1989. С. 296.
34. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? // Сб. ст. / Ред.: Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/narch000/index.htm>. (Дата обращения 22.02.2013).
35. Там же.
36. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. С. 253-263.
37. Орлов А.С., Рогалев А.П. Американская и английская историография Второй мировой войны (1939–1945 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://azbook.net/book/401-amerikanskaya-i-anglijskaya->

istoriografiya-vtoroj-mirovoj-vojny-1939-1945-gg/3-amerikanskaya-i-anglijskaya-istoriografiya-vtoroj-mirovoj-vojny-1939-1945-gg.html. (Дата обращения 19.03.2013).

38. Сиполс В.Я. О тайнах кануна Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. <http://ruslib.ru/book/35/17/039-071.html> (Дата обращения 26.04.2013).

39. Ширер. У. Указ. соч. С. 720-721.

40. Вторая мировая война. Начало войны // Под ред. Дж. Хаммертона. М.: АСТ, 2006. С. 68, 122.

41. Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 15.

42. Сиполс В.Я. О тайнах кануна Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. <http://ruslib.ru/book/35/17/039-071.html> (Дата обращения 26.04.2013).

43. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1976. С. 28.

44. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М.: ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 182-183.

45. Чубарьян А.О. Международный кризис 1939–1941 г.: концептуальные подходы, проблемы интерпретации // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Матер. междунар. конф., организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М.: Права человека, 2006. С. 14.

УДК 93/94

Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: дискуссионные вопросы

¹ Анатолий Иванович Нарезный

² Владимир Петрович Трут

¹ Южный федеральный университет, Российская Федерация

344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 56, к. 23

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: ain@sfedu.ru

² Южный федеральный университет, Российская Федерация

346780, Ростовская область, г. Азов, ул. Измайлова, д. 55, к. 16

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа основных работ отечественных и зарубежных исследователей предпринята попытка всестороннего и объективного рассмотрения основных историографических наработок по проблеме дискуссионных вопросов характеристики и оценок советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Охарактеризованы достижения и проблемы современной историографии по данной проблематике, сформулированы авторские оценочные суждения и обобщающие выводы по рассмотренной проблеме, предложены направления дальнейших исследований различных аспектов советско-германского договора о ненападении.

Ключевые слова: историография; внешняя политика СССР; советско-германские отношения; советско-германский договор о ненападении.